

84(2=411.2)6-6

П 384

С. Ф. С. Р.

Права на все страны, содействую



ПЛЕТНЕВ.

# НЕВЕРОЯТНО, НО ВОЗМОЖНО...

Пьеса в 3-х действиях.

Уральское Областное  
Государственное Издательство.

Цена 2 руб.

М 192019 - КО

К  
М 192019  
Библиотечный фонд  
Уральского областного государственного издательства  
1920 г.

24



84(2-411.2)6-6

Р2

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

7384

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛЕТНЕВ.

# Невероятно, но возможно...

Пьеса в 3-х действиях.

Уральское Областное  
Государственное Издательство.

БИБЛИОТЕКА  
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ  
СВЕРДЛОВСКОГО  
ОБЛАСТНОГО  
ИЗДАТЕЛЬСТВА

ХО

Грозит

ИНВ. 1236 Г. 12  
1929.01.9





## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Геннадий Александрович Базунов, горяч. губернский комиссар временного правительства, мелкий помещик.

Александр Вильгельмович Гроссберг, его помощник. Бывший чиновник старого режима. Вась „чего изволите“.

Анатолий Александрович Серебрянский. Председатель исполнительного комитета общественных организаций. Юрист без практики. Пунктуален и точен в ведении собраний.

Яков Степанович Колгунов, председатель комиссии по обеспечению нового строя. Заведует делами заключения. Лесопромышленник. Числится по 2-й гильдии. „Всеми уважаемый“, не глупый.

Антон Дмитриевич Свайкин—бывший учитель гимназии. Председатель комиссии по выборам в учредительное собрание. Человек в футляре.

Секретарь исполнительного комитета.

Аляпов—член исполнительного комитета, крестьянин.

Сизов                    т е ж е                    лесничий, 27 лет.

Гладкий                т е ж е                    санитарный врач.

Иван Егорович Сандырин. Ткач. Рубаха-парень. Член рабочей группы.

Примофьев Петр Степанович—рабочий. Председатель исполнительного комитета рабочей группы и губернской организации б-ков. Лидер рабочей группы.

Иван Примофьевич Гусанов, лесной кондуктор.

Митин—земский статистик.

Антипинков.

Глаголев.

Дубовикин.

Ненто в штатском.

Офицер конвоя.

Помощники начальника тюрьмы.

Лакей исполнительного комитета, оставшийся по наследству от губернатора. Член исполнительного комитета. Конвойные солдаты, арестанты, надзиратель.

Действие происходит в захолустном губернском городе, между всеми действиями проходит три дня.

Поздняя осень.

## Д Е Й С Т В И Е:

Действие 1-ое картина 1-я: Зал заседания.

" картина 2-я: кабинет Серебрянского.

Действие 2-ое комната в квартире Сандрына.

Действие 3-ье картина 1-я и 2-я — тюремная камера.

## ДЕЙСТВИЕ. 1-ое

### Картина 1-ая.

Занавес закрыт. За занавесом шум, звонки: один-два стула падающих стульев, грохот отодвигающихся стульев, звон разбитого стакана. Слышны возгласы: „Вон, долей“. Дайте говорить. Я прошу слова. Это невозможно и т. д. Занавес открывается. Зал заседания. Посредине большой стол под еукином. За столом все члены исполнительного комитета. Председательствует Серебрянская. Среди членов исполнитель-

кого комитета волнение и шум. Многие вскаки. Стучат кулаками по столу, что-то кричат. Председатель молча и беспрерывно звонит. Вслух:

Слева: „Это насилие. Где же слова? Буржуазные подголоски. Вы затыкаете рот.“

Справа: Лишите его слова. Это неуважение к собранию. Бомбисты. Призыв к неповиновению. Это анархия. Это черт знает, что такое. Вон. Долой и т. д.

Председатель: (звонит и кричит) Я призываю вас всех к порядку, (Шум постепенно стихает).

Пронафьев: Я прошу слова.

Председатель (окончив звонить) Я прошу, господа, дать председателю провести собрание.

Базунов: (кричит) Это оскорбление правительства (шум, звонки, тихе).

Председатель: Не вы не даёте мне этого сделать. Уважайте же собрание и то учреждение, где мы находимся. (шум стихает).

Председатель: (продолжает) Я констатирую, что член рабочей группы Прокофьев в своей речи допустил непозволительное выражение по адресу революционного временного правительства в целом, а также по адресу нашего премьера Александра Фёдоровича Керенского. Я лишаю его слова, а теперь же, в виду неповиновения власти председателя, я предлагаю исключить члена исполнительного комитета Прокофьева на одно заседание. (К Базунову) Ваше слово.

Базунов: Я думаю, что мера высылки, которую предлагает нам уважаемый председатель слишком незначительна по сравнению с тем тяжким



вы согласны, господа, оскорблением, которое было нанесено здесь на официальном заседании нашему высокому революционному правительству и главе народного трибунала Александру Федоровичу Керенскому (апплодисменты справа) Поэтому я предлагаю применить высшую меру наказания и предлагаю исключить его на пять заседаний.

(Возгласы справа: „Верно“, „Правильно“).

(Возгласы слева „государственная дума“).

Базунов: (продолжает) Кроме того предложить члену рабочей группы Прокофьеву взять его слова обратно и привести извинения исполнительному комитету. Иначе я, как губернский комиссар, вынужден буду принять меры. Мы обязаны охранять честь и достоинства нашего высокого, волею народа поставленного, правительства (справа апплодисменты) (слева пронырски „Охранитель“).

Председатель: Поступило два предложения. Первое—исключить члена исполнительного комитета Прокофьева на одно заседание и второе, мотивированное Геннадием Александровичем, исключить на 5 заседаний. Вносит ли еще кто предложение? По видимому, нет. Голосую в порядке поступления. Кто за первое предложение, исключить на одно заседание, прошу поднять руку. Раз, два, три, четыре. П...рошу опустить. Кто против? (Все члены рабочей группы поднимают руки).

Председатель: Явное меньшинство. Член исполнительного комитета исключается на пять собраний.

Прокофьев: Прошу слова для заявления.



**Председатель:** (Боря в руки зеленки) Слово члену рабочих группы Прокофьеву для заявления.

**Прокофьев:** Считаю себя в праве квалифицировать действия членов временного правительства, так как с точки зрения моей и моих товарищей, они заслуживают: предложение губернского комиссара взять мои слова обратно, я отвергаю категорически, а его угрозы принять меры, интересно знать какие, меня не пугают. Члены временного правительства у власти волею революционных рабочих и солдат не имеют права игнорировать интересы пролетариев.

**Базунов:** (вскликая) Это не объяснение. Это речь. Новая речь. Гражданин председатель, остановите оратора.

**Прокофьев:** Это объяснение вызвано вашим предложением.

**Председатель:** Прошу не делать замечания председателю. Гражданин Прокофьев продолжайте, но прошу вас держаться ближе к делу.

**Прокофьев:** (продолжая) Нарушение ими и самое грубое интересов страны и революции, выразившихся во первых в июньских выступлениях Керенского, а во вторых... (Общий шум. Возгласы):

**Справа:** „Опять“. Это дерзость. Он оскорбляет все собрание.

**Слева:** „Дайте говорить“. „Свобода слова“. „Жалдармы“.

**Председатель:** (звонит. Шум понемногу стихает). Я вторично прошу членов исполнительного комитета сохранять спокойствие и дать мне возможность

вести собрание. Член исполнительного комитета Прокофьев, я вторично лишаю вас слова и прошу исполнить постановление, которое - угодно было принять большинству собрания. Прошу вас оставить зал заседания.

Сандырин: Прошу слова для заявления.

Председатель: Пожалуйста, ваше слово только „для заявления“.

Сандырин: (читает) Рабочая группа н-ского исполнительного комитета, считая постановление большинством правой части исполнительного комитета об исключении ее члена т. Прокофьева на 5 заседаний ни на чем не основанным и оскорбительным для достоинства всей группы, в знак протеста против большинства, воскрешающего думскую практику, времен, царизма покидает собрание. (Члены рабочей группы встают, собирают бумагу и выходят из зала).

Возгласы слева: „Скатертью дорога.. „Не запугаете“ и т. д.

Возгласы уходящей левой: „Столыпинские песенки“ „Третья дума“ и т. д.

Председатель: (звонит) Прошу спокойствия. Прошу занять места. Заседание продолжается. На повестке по порядку вопрос о выдаче пайка семьям заочных.

Базунов: Прошу слова.

Председатель: (Местом предоставляет ему слово).

Базунов: Я предлагаю сейчас закрыть собрание (смотрит на часы). Сейчас еще только 8 часов и всем членам исполнительного комитета надо вые-



хоть на места. Поззда еще не ушли. Оставшиеся в повестке вопросы предлагаю передать на решение президиума.

**Председатель:** Я склоняюсь к предложению Геннадия Александровича, но какова будет воля собрания?

**Аляпов:** Прошу слово по порядку.

**Председатель:** Слово гражданину Аляпову, в порядке.

**Аляпов:** Я думаю насчет собрания... продолжать надо... Пайка говорю... Не давали давно... Солдаты волнуются... Неприятности у меня с ними... Шумят. Я их обнадежил сегодняшним днем... А потом можно закрыть....

**Базунов:** Прошу к порядку.

**Председатель:** Ваше слово.

**Базунов:** Я вношу свое предложение неври, господа. Позвольте мои провать. Вы знаете, что за последнее время в городе и губернии распространяются разные слухи вздорные о том, что в центре неспокойно, что позиция временного правительства колеблется, что учредительное собрание разогнано. Вне всякого сомнения, эти слухи распространяются скрывшимися в подполье черными совами реакции. Кроме того, волнения среди населения усугубляются политикой горячих голов слишком решительно и даже дерзко, я бы сказал, критикующих действия высшего временного правительства. В этом мы имели все несчастье убедиться сегодня. Поэтому каждому из нас нужно быть на месте и там следить за направлением. Положение обостряется. Мы

и так заседаем уже третий день. Поезда еще не ушли. А мелкие вопросы обсудить президиуму.

**Председатель:** Слово гражданину Аляпову. (К Свайкину). Потом вам.

**Аляпов:** Я о пайке. Пайек мы должны обсудить. Солдатки не евши сидят. Денег в уезда нет. Я предлагаю обсудить, а то неприятности..... Солдатки..... Восстают они.....

**Базунов:** (вскакивая). Это мелочь. Обсудит президиум.

**Председатель:** Вы не имеете слова.

**Свайкин:** Разрешите напомнить, что в порядке дня стоит вопрос о рассмотрении Осиновской волости. С этим нельзя медлить. Население ждет нашего решения. Вопрос вызывает большие недоразумения.

**Председатель:** Кто еще желает иметь слово. Если нет, то позвольте голосовать: внесено два предложения. Первое—Геннадия Александровича—окончить собрание и в интересах сохранения спокойствия в губернии, раз'ехаться на места, оставшиеся вопросы передать на решение президиума. Второе предложение—исчерпать повестку и тогда закрыть заседание.

**Базунов:** Но тогда уйдут поезда.

**Председатель:** (укоризненно). Темперамент! Голосую, господа. Кто за предложение Геннадия Александровича, прошу поднять руки. Явное большинство. Предложение Геннадия Александровича принято.

**Базунов:** Я прошу слова.



**Председатель:** (вероятно). Ваше слово.

**Базунов:** Я предлагаю всем, господа, проявить на местах максимум энергии, решительности в предупреждении и подавлении всякого рода черносотенных анархических выступлений. Мы должны быть твердой властью, тем более тогда, когда и временному правительству и ныншему родителю червонцев революции учредительному собранию угрожает опасность.

**Председатель:** Объявляю заседание закрытым. Прошу членов президиума пожаловать в десять часов на заседание у меня в кабинете. (Члены исполнительного комитета расходятся). Лажин убирает посуду. Алянов подходит к Серебрянскому и что-то говорит.

**Базунов:** (у телефона). Центральная, 37. Кто у телефона. Попросите к телефону начальника гарнизона.... Просит губернский комиссар.... Кто у телефона.... Сергей Петрович. Сергей Петрович.... Здравствуйтесь.... Не будете ли у меня через час.... Нет, нет, на квартире.... Имею конфиденцию к вам..... По телефону..... Не могу очень серьезно..... Вы будете..... Обязательно.... Очень хорошо. До свиданья. (кладет трубку, к Серебрянскому). Решительность и быстрота спасают положение.

## ДЕЙСТВИЕ I-ое.

Картина 2-я.

Кабинет Серебрянского. Большой письменный стол-бюро. Круглый стол. Мягкие кресла и стулья.

Действующие лица: Базунов, Серебрянский, Колгунов, Свайкин, Гладкий, секретарь исполнительного комитета.

### Явление I.

Базунов, Серебрянский, секретарь.

Серебрянский сидит за столом разбирая бумаги. Базунов идет по кабинету.

Базунов: Вы слишком снисходительны, Анатолий Александрович. Слишком.... Нельзя потворствовать анархической тенденции. Мы должны представлять из себя твердую власть. Иначе.....

Серебрянский: (перебывает). Есть конституция ведения собрания, дорогой мой, которой обязан руководиться председатель. Я ее, кажется, не нарушил. А ваш темперамент, он прямо неуместен. Политик должен быть страстен и пылок как любовник и холоден как лед. Второе качество у нас отсутствует.

Базунов: Но когда при мне оскорбляют членов высшего правительства, по должности, не говоря уже о личном убеждении, обязан быть страстным.

Серебрянский: (застывает). Но не нарушать порядка.... Порядок для собрания это все.

Базунов: Вы слышали, что говорил этот разбойник. Какое оскорбление и кому? Тому, кто всего себя отдаёт революции. Александр Федорович, ведь это.... кто-то очень ярко, образно выразился „первая любовь русской революции“ и его душа добавляю я. Кто оскорбляет, кто?

Серебрянский: А его критика, знаете ли об'ек-



тивно,, не лишена остроумия. Как он его определил? (К секретарю, прицеливая пальцаи).

Секретарь: Неумный бубень.

Серебрянский: (смеется). А это, ей богу, остроумно. Дерзко, но остроумно. (смеется) Неумный бубень. Между нами, Александр Федорович любит говорить.

Базунов: А где же вы видели премьера, который молчит. И что от него толку? А это трибун, огонь, сама страсть, вся мощь революции каждое слово молот. Каждое слово откровенно....

Серебрянский: Политик должен быть холоден как лед.

(Входит Гросберг и Колгунов, здороваются. За ними лавей, подает Базунову на подносе телеграмму.)

Колгунов: (продолжая вчатый ранее разговор). Я ему говорил, что это добром для него не кончится. Торговля растрескивается. Мы заказы задерживаем. А что с ним сделаем. Он тоже член исполнительного комитета. Не прежние времена.

Базунов: (читает телеграмму). Ну вот... вот... вот... конечно.... конечно.... (подает Серебрянскому телеграмму). Прочитайте и постарайтесь быть холодными как лед.

Серебрянский: (пробжал телеграмму.) Д-да-а. Это придется подвергнуть внушительному обсуждению.

Базунов: Максимум энергии и решимости. Анархия должна быть ликвидирована (входит Свайкин и Глазкин).

Серебрянский: Президиум в полном составе. Приступим. Каков порядок дня? (все подвигаются к столу).

Базунов: Обсудим телеграмму и наши мероприятия с нею.

Колгунцов: }  
Свайкин: } (вместе). Какую телеграмму?

Базунов: Я доложу.

Свайкин: Я прошу обсудить вопрос о размежевании Осиновской волости.

Базунов: Я прошу слово для внеочередного заявления.

Серебрянский: Пожалуйста!

Базунов: Господа, слухи и волнения ими вызываемые, о которых я говорил вчера, к глубокому сожалению, имеют некоторую почву под собой. Я обязуюсь доложить, что сейчас мною получена от временного правительства телеграмма очень важного свойства.

Возгласы: Телеграмма. Это интересно.

Серебрянский: Прошу внимания.

Базунов: (читает). Губернскому комиссару, Петроград. Срочно. Секретно. Копия председателю исполнительного комитета. Временное правительство в виду распространявшихся за последнее время слухов о свержении временного правительства, распространяемых врагами нового строя, предлагает вам в интересах сохранения революции и ее завоеваний принять все зависящие от вас меры к охранению порядка и спокойствия во взведенной вам губернии точка. В случае необходимости примите решительные меры к предупреждению и подавлению могущих быть неприятностей и беспорядков точка. (пауза).



**Колгунов:** М-м-да. Это серьезно.

**Серебрянский:** Это необходимо очень внимательно обсудить и действительно принять меры. Кто желает слово?

**Базунов:** Я имею контрентное предложение.

**Серебрянский:** Мы слушаем.

**Базунов:** Вопрос слишком ясен, господа, что бы с нем нужно много говорить. Я предлагаю, во первых, немедленно объявить город на военном положении. Считаю это категорически необходимым. Во вторых, немедленно, произвести аресты всех членов рабочей группы. (Среди собрания движение).

**Гроссберг:** Это знаете ли...

**Колгунов:** Гм... Гм... Я бы не против... Ничего не имею против... Не знаю, как Анатолий Александрович. Немовно все-таки. На военном положении это так, пускай. А вот насчет ареста... Они ведь тоже члены исполнительного комитета. Ну-ка все обойдется по хорошему. Выходит тогда, что друг друга арестовывали. А, ведь, все-таки революция... Смех тогда на всю губернию.

**Базун:** Вот именно. „Все-таки революция“. Мы поставили во главе ее и за нее отвечаем. Вы слышали, что вчера говорил Прескофьев. Это прямой призыв к восстанию. Они не остановятся ни перед чем. Их питает уверенность в том, что в центре их соратники одержат победу. Они, вероятно, опасны. Вообще необходимы решимость и быстрота.

**Серебрянский:** Я поддержал бы предложение Геннадия Александровича: временное правительство не стало бы бить тревогу, если бы обстоятельства

не волновали. Может быть, мы ошибаемся.. Но... Революция есть революция, анархия есть анархия. Они несовместимы. А наша рабочая группа очень подозрительна. Прокофьев очень решительный человек и не без внимания.

Нолгунов: Гусаков не хуже. Он мне такие илеи загибал, что если по его выйдет, то мне по миру придется идти. Прямо суму надевай да в кусочки. Национализацию поголовную проповедует. Капитал говорит должен быть уничтожен.

Базунов: Ну вот видите, видите. И они не задумываются посягнуть. Я не сомневаюсь в честности. Он революционер. Но это пылкие юноши. Их используют темные силы реакции. И вас смущает мое предложение, но простите за порядок, но, то что я предлагаю, это в конечном счете в их интересах.

Гроссберг: А не лучше ли, господа, снестись срочно с временным правительством и спросить его санкции.

Серебрянский: Это, знаете, недурная мысль.

Базунов: Да, да, мы думаем сноситься... А вы ручайтесь за то, что нас не арестуют сегодня же. В гарнизоне, как вы знаете, совсем не благополучно. Берегитесь, господа. Нерешительность может погубить нас, а вместе с нами и революцию.

Серебрянский: (к Свайкиву) Ваше мнение, Антон Дмитриевич?

Свайкин: (мрачно) Поднявший меч против всенародного учредительного собрания достоин горшей участи.

**Серебрянский:** (к Главкину) А вы...

**Главкин:** Я воздерживаюсь. Я очень боюсь. Геннадий Александрович слишком поспешно делает выводы. Я бы не поддрежал предложение.

**Базунов:** Но вы подчиняетесь решению президиума. Вы обязаны...

**Главкин:** Само собой. Воля большинства для меня закон.

**Серебрянский:** В таком случае, Степан Петрович, может апеллировать и исполнительному комитету.

**Колгунов:** А как же все это проделать? (К Базунову) Вот вы говорите, что и в гарнизоне не того... Кто же будет...

**Базунов:** А это представьте мне. Я уже говорил с начальником гарнизона об этом не беспокойтесь.

**Серебрянский:** И так... За предложение Геннадия Александровича: я, Антон Дмитриевич, Яков Степанович; три при одном воздерживаемся. Основной вопрос решен. Переходим к дальнейшему.

**Базунов:** Мне позвольте удалиться.

**Серебрянский:** Но без вас...

**Базунов:** (перебивая) Меня ждет начальник гарнизона. Мы должны сейчас же приступить к делу. С вами останется Александр Вильгельмович. Он даст все необходимые пояснения. До свиданья, господа.

**Серебрянский:** Одну секунду.... Я думаю, необходимо будет сегодня же вечером собраться, чтобы узнать о результатах нашей миссии и принять дальнейшее решение.



**Главкин:** Я предложил бы встретиться у меня. Имею возможность угостить вас чудной простоквашей.

**Серебрянский:** А.... я... простокваша.... Конечно, так, господа, (смеется) возражений нет.... Простокваша принята.

**Базунов:** Ну, я спешу. До свиданья, господа. Решительность, смелость и быстрота первые достоинства революционеров. Революция не терпит промедления (выходит).

**Серебрянский:** Продолжаем, господа.

З а н а в е с.

## ДЕЙСТВИЕ II-ое.

Квартира Сандырина. Небольшая комната просто обставленная. Ст-л. на столе чайная посуда, хлеб и закуска. Кровать. Полка с книгами. Портреты Маркса и других деятелей революции.

Я в л е н и е I-ое.

Сандырин, Глушкин, Прокофьев, Антипов, Дубовкин, Митин.

**Сандырин:** (вносит самовар) Вот, за чайком будем усугублять революцию, (хлопочет около стола, заваривая чай и пр.)

**Прокофьев:** Ну, ты скоро. Начинать надо.

**Сандырин:** Сейчас, готово дело. Самому ведь приходится самовар дуть. Жена в деревню уехала хлеб убирать.

**Глушкин:** Во вдовцах выходит, состоишь.



Сандырин: Второй месяц.

Гусанов: И не скучно.

Сандырин: Как будто нет. Баба в революции, что плохая сиделка, только спину набивает.

Антипов: Ну, это, брат, зря. Смотри, какие есть женщины.

Сандырин: (перебивая) Так это женщина. А у меня баба. Ты ее не знаешь, так и молчи. А когда придет, ко мне не заходи, а то она тебя так отблаговестит, что адрес мой забудешь.

Антипов: А как же ты?

Сандырин: Втянулся. Лаюсь каждый день. А по настоящему все некогда. Ну, хлеб-соль на столе, а руки свои. Жарь, ребята. Наливать никому не буду. Кто жрать хочет, сам найдет. Давайте за дело (к Прокофьеву, подвигая ему тубарет). Вот тебе кресло.

Прокофьев: Так. Прошу порядка. (К Антипову) Сядь, не отсвечивай. Нам предстоит сегодня обсудить решение президиума, принятое в связи со вчерашним инцидентом в исполнительном комитете.

Дубовкин: Глаголева надо бы обождать.

Сандырин: Он в уезд уехал, после завтра вернется.

Прокофьев: (твердо) Тогда об'являю заседание (подчеркивает) ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА открытым.

Сандырин: Ого!

Прокофьев: Мы должны, сегодня же, принять исключительное важное решение. Я осведомлен, что губернским комиссаром и председателем испол-

нительного комитета получена телеграмма, в которой им предлагается принять меры против выступления черносотенного и анаarchического характера. Это прямо направлено против нас. Поэтому нам необходимо также принять меры. Положение очень острое и серьезное. Нужны решительные шаги. Кто хочет высказаться?

**Сандырин:** Я предлагаю назначить в воскресенье демонстрацию. В субботу мы используем членов нашей конференции для предварительной агитации. Привлечем к демонстрации гарнизон. А дальше дело будет яснее.

**Гусakov:** Я думаю, товарищи, что демонстрация может не пройти. Слишком мало времени на подготовку. Нужно действовать иначе и гораздо быстрее и решительнее. (к Антипову) Каково настроение в гарнизоне?

**Антипов:**  $\frac{3}{4}$  гарнизона на нашей стороне. Их собираются отправить на фронт. Они решительно против этого. Ругают почему зря Керенского и его наступление. Гарнизон можно использовать вполне.

**Гусakov:** Я предлагаю поэтому сегодня в ночь произвести арест членов президиума исполнительного комитета, комиссара и его помощника. Все члены исполнительного комитета раз'ехались по уездам. Взять на себя власть будет некому. И мы фактически будем владеть губернией. Это будет тихо без всякого шума. А потом, опираясь на гарнизон, мы с'умеем укрепиться.

**Сандырин:** А командиры? А части, что не на нашей стороне?



Пронесфьев: Их легко разоружить. Офицеры будут арестованы в первую годову. Этот план я считаю безусловно приемлемым.

Сандырин: А если неудача? Нужно это обдумать. Тогда мы рушим организацию. Господин комиссар настроен весьма зло и стесняться с нами не будет.

Антипов: Но ведь, он будет арестован.

Сандырин: (неопределенно). Положим.

Гусакев: Разрешите, кстати, осведомить, что т. Антипов может сегодня в ночь иметь в своем распоряжении достаточное количество войска для того, чтобы произвести арест.

Дубовкин: Но об этом сейчас же узнает весь город.

Пронесфьев: Случай нам идет на помощь. Сегодня заседание президиума у Главкина на квартире. Они едят у него простоквашу его изобретения. Дом на отлете. В доме только кухарка да дворник. Их также надо будет взять. Все это можно сделать без шума. Привратник у тюрьмы и караул с 12 часов ночи свой. Сопротивления со стороны надзирателей не будет. Мы зайдем кстати в тюрьму.

Гусакев: Я предлагаю не терять времени, сейчас же откомандировать т. Антипова и Дубовкина для проведения нашего плана в жизнь. Только в тюрьму их надо вести не ранее 12 часов ночи. Иначе с привратником может выйти шум. Кстати дежурит с полночи помощник начальника. Отъявленная дура и трус, каких мало. Мы напомним сейчас бумагу от военно-революционного комитета, припугнем его. Этого с него будет достаточно.



Прокофьев: Кто хочет слова?

Д. бовнин: А если дежурит начальник? Случится так?

Гусанов: Придется взять его и спрятать в укромное место, только не в тюрьме.

Прокофьев: Желающих говорить больше нет. Время не ждет. Голосую, кто за предложенный план? (Все поднимают руки). Принято. (Во время последней реплики Прокофьева Гусаков пашет).

Сандырин: (смеется).

Гусанов: Ты чего смеешься?

Сандырин: (смеясь). Да уж все это как-то... Черт ее знает что и делается. Этак, пожалуй, и в комиссары попадешь.

Прокофьев: (серьезно). И попадешь. Придется власть брать. Штука мудрая. Ну, я думаю, г. т. Антипову и Дубовкину нужно идти, а мы продолжаем наше заседание. У нас на очереди финансовый вопрос, да еще другие. На всю ночь хватит.

Антипов: (Дубовкину). Ну идем, брат. Первый раз братны-ребятны, с обыском иду. То все ко мне приходили (комично к Прокофьеву) независимо от результатов, прикажите. Ордер позвольте.

Прокофьев: (подавая бумагу, серьезно). На. Лети, да не влспайся, смотри. Шутки шутить не время.

Антипов: (в том же тоне). Слушаюсь. (Уходит).

Гусанов: Дальше что там?

Прокофьев: Финансы, распределение ролей по управлению, посылка курьера в центр за дальнейшими директивами, а потом мелочь.

Гусанов: Докладчик по финансам тов. Митин.

**Сандырин:** Значит ему и книги в руки. Мы слушаем.

**Мити:** Прежде всего я подверг внимательному изучению финансовое состояние исполнительного комитета и наводил справки о банке. Сберегательную кассу мы решили пока не затрагивать. Положение исполнительного комитета не блестящее. Наличность всего около 300-400 тысяч рублей. Ожидаются на днях ассигнованные уже 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> миллиона руб. из них 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> миллиона на выдачу пайков солдаткам. Что касается банка, то....

(Стук в дверь, раз, другой, все сильнее).

**Сандырин:** Кого там черт несет не во время (Мити) Погоди, пойду посмотрю.

(Через секунду в комнату входит Сандырин, за ним некто в штатском, конвойный офицер и солдаты конвойной команды).

**Некто:** Руки вверх!

**Прокофьев:** Что это значит?

**Некто:** Руки вверх, повторяю. Вы арестованы.

**Гусанев:** На каком основании?

**Некто:** (подает Прокофьеву бумагу).

**Прокофьев:** (читает про себя) Черт ее знает, что такое. Именем временного правительства, по предписанию губернского комиссара, на основании постановления президиума исполнительного комитета... Сандырин... Прокофьев... Антипов... Все, вся рабочая группа...

**Некто:** Сопротивление бесполезно, господа. Извольте следовать за мной.

**Прокофьев:** Мы все члены исполнительного комитета. Вы не имете права, никакого права...



**Ненто:** (перебивая) Я выполняю предписание господина губернского комиссара и не имею чести вас знать. (читает) Сандырин, Прокофьев, Гусakov, Глушкин, Строев, Митин, а где же Антипов и Дубовикин.

**Прокофьев:** Довольно с вас и этого (с чем то думает).

**Ненто:** Одевайтесь, господа. Дом окружен, пов-  
торяю, сопротивление бесполезно. Я вынужден  
в случае сопротивления применить силу (все оде-  
ваются).

**Оф-цер конвоя:** (открывая дверь) Конвой слушай,  
направо, шапки вон, кобур отстегнуть (к присут-  
ствующим) Выходите, господа, по одному, (все выходит  
гулко).

**Сандырин:** Вот так углубили.

З а н а в е с.

## ДЕЙСТВИЕ III-е.

Картина I-ая.

Тюремная комната в два окна. Нары, перила, стол.  
Раннее утро; в камере сумрак.

Базунов, Серебрянский, Соля, Гросберг, Колгунов.  
Главани.

**Базунов:** (ходит в демп-сезоне с поднятым воротником,  
остальные лежат на нарах. Колгунов сидит у окна). Черт  
возьми, как здесь холодно! (подходит к двери, стучит)  
Надзиратель (за дверями шаги, звон ключей).

**Надзиратель:** (равнодушно) Чего еще?



Базунов: Привесите дров. Здесь топить надо. Ужасный холод.

Надзиратель: Не полагается.

Базунов: Почему не полагается?

Надзиратель: Не время (заискивает вольготы, отходит).

Базунов: Черт знает что (раздражился). Это все благодаря нашему милому Якову Степановичу. Это не тюрьма, а клоака какая-то. Хоть бы клопов извести. Шесть месяцев ведаёт тюрьмой и до сих пор...

Колгунов: (херебивая) А не вы ли, доблестный Геннадий Александрович, голосовали против ассигнования мне 100.000 руб. на ремонт тюрьмы?

Базунов: 50.000 вам дали.

Колгунов: Ну за 50 лик немного подкрасил, хоть по виду людей не пугает, а внутри на побелку коридора только и хватило ваших 50.000 руб. Сама себя раба бьёт, что не чисто жнет.

Базунов: Вы понимаете, днем, утром уже, а клопы кусают (подбегает к лежащему на нарах Серебрянскому) Смотрите, смотрите на шею два клопа. Это днем... А ночью. Это ужас. Зараза. Рассадник эпидемии. Черт бы взял. А еще хотите управлять государством.

Колгунов: Это по наследству от старого режима. Самодержавные клопы. Вывести их нельзя. Сжить вместе с тюрьмой—дело другое. Одно слово: терпи казак—атаманом будешь.

Базунов: Терпят не казаки, а дураки.

Колгунов: (озаившись) От дурака слышу.

Серебрянский: (приподнявшись с нар, слабо) Господа.

господа. Неужели же и так мы в достаточно нелепом положении? Нам пужно подумать как выяснить это недоразумение.

Базунов: (у двери) Надзиратель! (стучит).

Надзиратель: Ну?

Базунов: Боже мой, какая грубость. Я сейчас напишу записку, передай ее начальнику тюрьмы, чтобы немедленно переслал начальнику гарнизона.

Надзиратель: Письма арестантам по понедельникам пишут.

Гроссберг: Но ведь не письмо, а записка.

Надзиратель: И записку не полагается.

Гроссберг: (простетельно) Ну, голубчик, ведь нам же пужно.

Колгунов: Дайте ему десятку, так он вам и огнесет.

Базунов: Хороша же тюрьма, когда у вас надзиратели за грош делают, что угодно.

Глазник: Послушайте, господа, надо же предпринять что нибудь.

Базунов: Ну что по вашему? Эта скотина ничего не слушает.

Глазник: Надо вызвать начальника и резонно с ним поговорить.

Серебрянский: (стучит) Надзиратель!

Надзиратель: Опять. Да что вы белены об'елись?

Базунов: Позовите сюда начальника.

Надзиратель: Начальника нету.

Серебрянский: Ну помощника.

Надзиратель: А помощник скоро придет на проверку и звать его нечего.



Гроссберг: Вот тогда и поговорим. Только я предлагаю говорить с ним Анатолию Александровичу, а то вы, Геннадий Александрович, слишком взвинчены.

Базунов: Взвинчены. взвинчены. Не прикажете ли мне среди этой чудной обстановки чувствительные романсы распевать. А воздух, воздух....

Колгунов: Это системой пахнет. Выносная называется, если изволите знать. Своевременно имел честь вам докладывать.

(В коридоре голос надзирателя) „Кипяток, кипяток“. (Отворяется дверь, двое арестантов вносят в небольшой бак кипяток и пайки хлеба. Уходят. Издали доносится пение: „Царю небесному“.

Колгунов: (подходит к хлебу рассматривая его со вздохом). Воруют, сырой опять. (пробует хлеб). И не пропекли, стервецы.

Базунов: (схемно) Одним словом учреждение находится в блестящих руках. И это в нашем городе. Стыд. Срам.

Колгунов: Это тюрьма, а не институт для благородных девиц, как вы однажды изволили выразиться.

В коридоре раздается голос надзирателя: „Смирно“. Слышно отрывистое „Здравь желаем выбродь“

Все подтагиваются.

Гроссберг: (к Серебрянскому) Анатолий Александрович, Анатолий Александрович, идет проверка. Помощник. Будьте добры, поговорите. (к Базунову) А вы, Геннадий Александрович, ради бога, спокойнее. Спокойствие.



Базунов: А уберите к черту с вашим спокойствием.

Серебрянский: (тяжело поднимаясь с нары) Господи, боже мой. (К Гроссбергу) Откройте хоть окно.

Грохот замка. Дверь открывается, входит помощник.

Базунов: Послушайте.

Серебрянский: (останавливая его) Послушайте, господин помощник. Мы хотим выяснить положение наше. Я—председатель исполнительного комитета, это (указывая на Базунова) губернский комиссар временного правительства, это его помощник, это—члены президиума исполнительного комитета. Мы настаиваем, чтобы вы освободили нас. Мы—представители власти временного правительства.

Помощник: Этого, господи, я сделать не могу. У меня нет предписания о вашем освобождении.

Базунов: (срывалось). Ну, я, я, губернский комиссар, предписываю вам освободить нас..... Понимаете, губернский комиссар...

● Помощник: Если даже от губернского комиссара поступит бумага, я тоже не смогу вас освободить. Начальник арестован....

Все: Как арестован?... Кем?....

Помощник: По предписанию военно-революционного комитета. Тюрьма охраняется войсками.

Базунов: Какого комитета?

Помощник: Военно-революционного....

Серебрянский: Ничего не понимаю.

Базунов: Это, это дела Прокофьева. Я не ошибся.

Помощник: При всем своем желании, господи, ничего не могу сделать.

Базунов: А когда же это будет можно?

Помощник: Я сам нахожусь в вашем же положении, господа.

Гроссберг: Ну хоть переведите нас пока в другое место. Здесь ужасно холодно, сыро, грязно, клопов масса.

Серебрянский: Да, пожалуйста.

Помощник: Это, пожалуй, можно. Только не чище будет. Теплее разве. Камера над кухней. А клопы это наш бич. У меня в конторе есть. Предупреждаю, господа, будет тесно. Камера маленькая.

Главный: Хоть бы отогреться. Да нельзя ли пару стаканов, да кнпятку. Купить чего-нибудь с'естного.

Помощник: Это можно (подзирателю). Перевести в 17-й (выходит). Все толкятся около двери.

Колгунев: (выходя насмешливо). Решимость, господа. Решимость спасает революцию.

З а н а в е с.

## ДЕЙСТВИЕ III-е.

Картина 2-ая.

Тюремная камера помещенье первой, обстановка та же.

Сандырин, Гаушкин, Матаи, Прокофьев, Гусачев, Строев.

Утро. Только что привезли кнпяток. Все лежат кроме Сандырина.

Сандырин: (Около бака с кнпятком). Эй, углубителю, вставляйте чай пить с хлебом.

Прокофьев: А пить из горсти.

Сандырин: (отучит в дверь). Это мы сейчас



**Надзиратель:** Ну?

**Сандырин:** Пусти-ка, брат, нужно (вытолет).

**Гусakov:** (встает, подходит к Прокофьеву). Давай, закурим. (Берет у Прокофьева табак, свертывает папиросу). Теперь надо подумать, как отсюда выбраться. В контору вызваться узнать в чем дело.

**Прокофьев:** Дело ясное. Обскакал нас господин комиссар. Запоздали мы.

**Гусakov:** Да, это барсуновские делишки.

**Игитин:** Сейчас поверка, придет начальник, раз-узнаем в чем дело.

**Сандырин:** (входит с двумя кружками). Товарищу председателю (подает кружку Прокофьеву). Извольте открывать собрание. Сахару пару кусков достал. Шпанка здесь богатая. Ну и клопы здесь, братцы... не пробивной....

(Видя „царю небесный“).

**Сандырин:** Сейчас поверка.

(В коридоре крик надзирателя „Смирно“).

**Глушкин:** (смеется). Начальство плывет. Все по старинному. И с царем небесным.

**Помощник:** Здравствуйте, заявления есть?

**Прокофьев:** Мы предлагаем вам немедленно освободить нас. Я и мы все—члены исполнительного комитета. Его именем я настаиваю на нашем освобождении.

**Помощник:** Это невозможно, господа. Я в таком положении, как и вы. Тюрьма охраняется войсками. Начальник арестован.

**Все:** Арестован? Кем?

**Помощник:** По предписанию военно-революцион



ного комитета. Я имею строжайшее предписание никого не освобождать без его распоряжения.

Гусанов: (весело, со смехом). Так, ведь, это наш приказ. Мы все члены военно-революционного комитета, уверяю вас. И вы по нашему распоряжению освобождаете нас. И дело с концом.

Гомсшник: Но я не имею формального предписания. Если ко мне поступит бумажка от военно-революционного комитета о вашем освобождении, я весь к вашим услугам, а пока честь имею кланяться (выходит).

Проконфьев: Ничего не понимаю.

Сандырин: И я, брат, не более тебя.

Гусанов: Это значит, что город в наших руках.

Строев: И мы втискались в свою собственную тюрьму. Это ловко.

Сандырин: (хохочет). Победители овладели городом и сами во власти помощника начальника тюрьмы.

Проконфьев: Необходимо дать знать на волю. Есть у кого либо карандаш и бумага.

Глаушник: (роется в карманах, подает ему карандаш и бумагу). Жарь прямо предписание об освобождении.

Проконфьев: А печать где?

Сандырин: Натъ бы дело захватил.

(Грохот замка. Отворяется дверь входят: Базунов, Гросберг, Серебрянский, Сельд, Колгунов, Глазник).

(Дверь захлопывается).

Базунов: Ч-чер-т возьми (роется шлангу).

(Остальные возгласы изумления).

Сандырин: (свистит).

# НЕМАЯ СЦЕНА.

Две группы.

Справа: Базунов и остальные.

Слева: Проккофьев и остальные.

Глушкин: (после паузы) Что за чертовщина. Неужели черная сотня?

Серебрянский: Это более чем странно (походит к Проккофьеву, смущенно) Послушайте, что это значит?

Проккофьев: (сухо) Вам лучше знать. Вы подписали приказ о нашем аресте.

Серебрянский: Но как видите, мы сами попали сюда. Повидимому, в городе за ночь произошел переворот и крайне неприятного для революции характера.

Гусакос: А вы кем арестованы?

Базунов: Военно-революционным комитетом... На заседании... У Главкина... Дом окружили... Солдаты гарнизона... Распоряжался кто-то в штатском... Арестовали даже дворника и кухарку.

Нолгунов: Надо разъясниться. Вызовем помощника (к Проккофьеву) Мы, знаете ли, думали, что нашим арестом обязаны... Вам. При вашем содействии.

Глушкин: (наосторожно) Вы очень догадливы

Все справа: Как?

Сандырин: } Балда.

Проккофьев: } (Всего Глушкину) Баба длинноязычная.

Серебрянский: (с улыбкой) Ну, господа... Так ведь это не... Я не знаю... Ведь мы же здравомыслящие люди... Это смешно... Я понимаю... Ну разгорелась страсти... Мы достаточно наказаны.



Нужно как-нибудь выйти из этого тупикового, вы согласитесь, положения.

Протофьев: Дайте приказ о нашем освобождении.

Гросберг: Помощник без предписания военно-революционного комитета не освобождает никого. Мы с ним уже говорили. А вы позвольте предположить на основании любезного разъяснения господина Глушкана, и есть военно-революционный комитет. Следовательно, вы даете приказ о нашем освобождении, а мы о вашем и (улыбается) министр будет испёрнан.

Колгунов: (стучит) Надзиратель!

Надзиратель: Еще что?

Колгунов: Ну, ты брат, того... Мог бы и повежливей. Помощника сюда позови. Вся камера, скажи, просит.

Глушкан: Помощник.

(Протофьев его энергично одергивает. Глушкан умолкает).

Сандыбин: (в ответ Гросбергу) Начали эту историю вы, и кончайте сами. Пишите предписание (насмешливо) с вами кстат и секретарь.

Серебрянский: Но повторяю, господа, помощник не хочет слушать. Он требует предписания от военно-революционного комитета.

Гузавев: Заставьте его это сделать (язвительно). Анархия должна быть уничтожена.

(Грохот замка. Открывается дверь. Надзиратель по привычке „Смирно“ Входит помощник).

Помощник: В чем дело, господа?

Серебрянский: Мы снова хотим выяснить недо-  
разумение. Я уже говорил вам, что я председатель.



исполнительного комитета, это (указывает на Базунова) губернский комиссар, это (указывает на Гросберга) его помощник и т. д. А все эти господа члены военно-революционного комитета. Мы просили бы освободить нас. Предписание о нашем освобождении (указывает на Прокофьева) подпишет председатель военно-революционного комитета. Его личность мы все, как официальные лица, удостоверяем.

Помощник: Я ничего не понимаю, господа.

Базунов: (срываясь) Но ведь это же так ясно. Они, т. е., члены военно-революционного комитета, по нашему президиум, понимаете, предписанию...

Гусанов: (вставая) в интересах охранения спокойствия и порядка.

Базунов: (продолжает)..... А мы, т. е. президиум временного правительства по их предписанию... Вы понимаете.... Совершенно просто.... Следовательно, мы предписываем вам освободить их, а они предписывают освободить нас. Совершенно категорически ясно.

Помощник: Ничего не понимаю, как же военно-революционный комитет может находиться в тюрьме, когда я имею от него строжайшее предписание никого не освобождать без его распоряжения. Когда же мне поступит бумага от военно-революционного комитета, я освобожу хоть всю тюрьму, а иначе я отвечаю головой, а у меня семья. Войдите в мое положение. Начальник арестован, а тюрьма.....

Базунов: (нербивая) охраняется войсками.... все это мы слышали... слышали. (к Серебрянскому) Вы юрист, раз'ясните ему, ради бога.

**Серебрянский:** (к помощнику). Поймите же вы наконец. Они члены военно-революционного комитета, и освобождая нас, по их предписанию, вы ничем не рискуете.

**Помощник:** Ну, а они почему здесь? Не они же прислали мне предписание отсюда из камеры... Вы, господа, вводите меня в заблуждение. Когда ко мне поступит бумажка....

**Базунов:** (взбешенно). Бумажка, бумажка.... Да поймите вы, что мы интеллигентные люди, а здесь грязь, вонь, грубость, клопы... Недоразумение.

**Присофьев:** (спокойно). Не рой другому ямы, сам в нее попадешь.

**Сандырин:** Эх, его клопы добрали.

**Колгунов:** Сметется тот, кто смеется последний.

**Присофьев:** Ого!

**Сандырин:** Мы первые можем.

**Колгунов:** (помощнику). А вы передайте от меня письмо начальнику гарнизона (пауза). От Якова Степановича. Он знает.

**Помощник:** Это странно.

**Гусанов:** Так дайте его М....

**Глушанин:** Но он не хочет....

**Гусанов:** А это не наша вина.

**Сандырин:** (сморщив с жестом). Ну и петрушка, как в балагане, ей богу.

**Помощник:** Я предлагаю вам, господа, обождать. Мы сейчас наведем справки у прокурора.

**Серебрянский:** Да, да. Попросите к нам прокурора.

**Помощник:** Если он не арестован.

**Базунов:** Но он член союза архангела Миташа

Проккофьев: Откровенно.

Гусанов: Ого!

Серебрянский: (Вазунову укоризненно). Темперамент

Помощник: До свиданья, господа.

(Выходит, в дверях сталкивается с входящими. Входит Глаголев, за ним солдаты, за дверями рабочие. Помощник берет под козырек).

Все слева: Глаголев.

Вазунов: Я так и знал.

Серебрянский: (растерянно). Конечно это так.

Глаголев: (перехватывает помощнику бумагу). Сандырин, Глушкин, Проккофьев, Гусанов, Строев, Митин.

Помощник: (радостно). Ну вот, господа, и разъясняется. Я имею предписание. Формальное предписание.

Вазунов: (к Глаголеву) Ну а как же мы? Вы понятно дадите предписание о нашем освобождении?

Волгунов: Написать здесь можно.

Гроссберг: (помощнику) Дайте чернил, пожалуйста.

Сандырин: (выходя). Печать дома забыли.

Глаголев: (выходя). Военно-революционный комитет обсудит этот вопрос.

Немая сцена. Оставшиеся в ошеломлении.

Серебрянский: (после долгой паузы очень серьезно). Так делается история.

Вазунов: (горячо). Я был прав. В революции выигрывает тот, кто решителен и смел.

З а н а в е с.





van